

Адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в иностранных и заимствованных словах в русском языке

Krile, Fran

Undergraduate thesis / Završni rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:365374>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-06-29**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti

Završni rad

*Адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в иностранных и заимствованных
словах в русском языке*

*Adaptation of the voiceless glottal fricative [h] in foreign words and loanwords in the
Russian language*

*Adaptacija bezvučnog glotalnog frikativa [h] u stranim riječima i posuđenicama u ruskom
jeziku*

student: Fran Krile

mentor: dr. sc. Željka Čelić, izv. prof.

ak. god.: 2017./2018.

U Zagrebu, 19.9.2018.

Содержание

Введение.....	3
1. Основные понятия, используемые в работе.....	4
1.1. Языковые звуки.....	4
1.2. Языковые заимствования.....	5
1.3. Русский язык.....	7
2. Глухой глоттальный фрикатив [h] среди задних фрикативов.....	8
2.1. Задние фрикативы.....	8
2.2. Адаптация [h] в заимствованиях.....	11
3. Первая фаза адаптации [h] в русском языке: адаптация по фонетическому принципу (до второй половины XVII в.).....	14
3.1. Праславянский период.....	14
3.2. Древнерусский и старорусский периоды.....	14
4. Вторая фаза адаптации [h] в русском языке: адаптация преимущественно по конвенционализованному орфографическому принципу (вторая половина XVII в. – середина XX в.).....	16
4.1. Фонетическое изменение праславянского *g в центральной зоне славянских говоров.....	16
4.2. Фонетическая передача [h] в заимствованиях в говорах Юго-Западной Руси и её орфографическая конвенционализация.....	16
4.3. Влияние югозападнорусских говоров на русский язык. Принятие системы орфографической передачи латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке.....	17
4.4. Влияние южновеликорусского /ɣ/ на принятие югозападнорусской системы передачи латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке.....	20
4.5. Орфографическая передача латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке в XVII-XX вв.....	21
4.6. Адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в русском языке на основе системы передачи иностранного латинского ⟨h⟩ русским кириллическим ⟨г⟩.....	23
4.7. Редкая фонетическая адаптация [h] во время преобладания конвенциональной адаптации.....	24
5. Третья фаза адаптации [h] в русском языке: повторная адаптация преимущественно по фонетическому принципу (с середины XX века).....	26

5.1. Адаптация иностранного /h/ русским /x/ по фонетическому принципу. Передача латинской графемы ⟨h⟩, означающей /h/, кириллической графемой ⟨x⟩, означающей /x/.....	26
5.2. Конвенциональная и фонетическая адаптации /h/ в современном русском языке..	27
Заключение.....	28
Литература.....	30

Введение

В данной заключительной работе исследуется адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в иностранных и заимствованных словах в русском языке. Глухой глоттальный фрикатив [h], среди языков мира достаточно частый звук, но в русском языке он отсутствует. Поэтому, при заимствовании в русский язык иностранных слов, содержащих звук [h], он приспосабливается фонетической системе русского языка, то есть становится одним из звуков, являющимися частью фонемного инвентаря русского языка. Звук [h], между тем, в заимствованиях в русском языке не всегда адаптировался одинаково, а в разных периодах в истории русского языка преобладали разные способы приспособления его к русскому языку. В работе исследуется, в каких периодах и каким образом [h] в русском языке адаптировался. На основе фонетических особенностей [h] и передающих его русских звуков, с учётом на исторические обстоятельства исследуемых периодов, каждая из адаптаций [h] в русском языке в работе отдельно приводится и объясняется. В работе используется литература об общей фонетике и фонологии, о фонетике и фонологии отдельных языков, об истории русского языка, об истории восточнославянских и некоторых других языков, о заимствованных и иностранных словах в русском и некоторых других языках, используются разные этимологические и другие словари. Работа состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе представлены основные понятия, касающиеся языковых звуков, языковых заимствований и истории русского языка. Во второй главе приведены и описаны глухой глоттальный фрикатив [h] и ему схожие языковые звуки, и объяснены разные возможные адаптации [h] в заимствованиях. В третьей главе, описана первая фаза адаптации [h] в русском языке, в которой [h] адаптировалось по фонетическому принципу. В четвёртой главе объяснена вторая фаза адаптации [h] в русском языке, в которой [h] адаптировалось преимущественно по конвенционализованному орфографическому принципу. В пятой главе описана третья, современная, фаза адаптации [h] в русском языке, в которой [h] снова преимущественно адаптируется по фонетическому принципу.

1. Основные понятия, используемые в работе

1.1. Языковые звуки

Фонема – минимальная различительная единица языка (см. Аванесов 1956, Колесов 2008: 36-37). Фонемы реализуются в речи как конкретные речевые звуки – *фоны*. Если одна фонема реализуется несколькими фонами, они называются *аллофонами* данной фонемы. В лингвистической транскрипции фонемы пишутся внутри косых черт, напр., /a/, а фоны внутри квадратных скобок, напр., [a]. В размещении фонем и фонов могут быть ограничения, при которых они могут появляться только в некоторых позициях внутри слова и по отношению друг к другу. Фоны и фонемы обозначаются знаками *Международного фонетического алфавита (МФА)*. Фонемы обозначаются знаками тех фонов, которые являются их самой основной реализацией. Если фонема недокументированного языка реконструируется, перед ней ставится звёздочка, напр., *g. Минимальные единицы в письменности какого-нибудь языка называются *графемами* и в лингвистической транскрипции пишутся в угловых скобках, напр., ⟨a⟩. Графическая система какого-нибудь языка, *орфография*, чаще всего основывается на системе фонем данного языка. Между тем, эта связь часто не полная – в разных языках нередко есть, по разным причинам, некоторые несоответствия между системами фонем и графем, которые могут, в зависимости от языка до языка, быть более или менее выраженными.

Два главных типа языковых звуков – *гласные* и *согласные*. При артикуляции гласных звуков поток воздуха свободно проходит через речевой тракт. При артикуляции согласных звуков в речевом тракте происходит полное или частичное закрытие, которое воздействует на поток воздуха и направляет его.

Три главных признака, по которым согласные звуки описываются – *место образования*, *способ образования* и *звонкость/глухость*. Место образования означает место в речевом тракте, в котором при произношении согласного звука происходит сужение или закрытие. Способ образования определяет, каким является сужение или закрытие, воздействующее на поток воздуха в речевом тракте при произношении согласного звука. Звонкость/глухость согласного звука – признак, означающий, колеблются ли гортанные связки при произношении согласного звука: если да, звук громкий; если нет, звук глухой.

По способу образования, в работе упоминаются два типа согласных – *взрывные* и *фрикативы*. При артикуляции взрывных согласных, в речевом тракте происходит полное закрытие, блокирующее поток воздуха, которое следственно, под давлением накопленного воздуха, резко открывается, чем производится взрывной шум. *Фрикативные согласные, щелевые согласные* или фрикативы – согласные, при произношении которых в речевом тракте происходит сужение, сквозь которое поток воздуха турбулентно проходит, производя шум.

В работе упоминаются пять смежных типов согласных по месту образования: *глоттальные, фарингальные, увулярные, велярные* и *палатальные*. У глоттальных или *гортанных* согласных, место образования гортань. Фарингальные согласные образуются в глотке. Увулярные или *глубоко-заднеязычные* согласные образуются у язычка. Велярные, *заднеязычные, задненёбные* или *мягконёбные* согласные образуются поднятием задней части спинки языка к мягкому нёбу. Палатальные, *среднеязычные, средненёбные* или *твердонёбные* согласные образуются поднятием средней части спинки языка к твёрдому нёбу.

Четыре типа фрикативов, образующиеся в задней части речевого тракта, глоттальные, фарингальные, увулярные и велярные, обладают рядом совместных особенностей. Они нередко аллофоничны, а при заимствовании, если нужна адаптация, они чаще всего друг с другом заменяемы. Для общего обозначения фрикативов, образуемых в четырёх задних местах речевого тракта, в работе используется простое название *задние фрикативы*. Некоторые сходства с задними фрикативами имеют и перед ними находящиеся палатальные фрикативы, которые иногда являются аллофонами задних фрикативных фонем, но они также имеют сходства и с фрикативами, образуемыми в средней части речевого тракта, и в этой работе они в именно задние фрикативы не включены.

1.2. Языковые заимствования

Заимствование слов означает принятие слов из одного языка в другой. Слово одного языка, принятое из другого языка, называется *заимствованное слово* или *заимствование*. В работе одинаково рассматриваются и заимствованные нарицательные слова и собственные иностранные имена и названия, так как и те и другие, нашедшись в новом языке, обычно проходят через определённую адаптацию.

Если в языке, из которого заимствованное слово принято, есть звуки, не соответствующие звуковой системе языка, в который заимствованное слово принято, то такие звуки, в большинстве случаев, при заимствовании проходят через некоторое изменение, то есть адаптируются как звуки, присущие звуковой системе языка, в который заимствованное слово принято¹.

В заимствованиях, принятых через речь, если при звуковом переносе нет значительной помехи, новые звуки адаптируются как им фонетически самые близкие звуки языка, в который заимствование принято, то есть адаптация идёт *по фонетическому принципу*. Следует иметь ввиду, что, если при заимствовании речью есть помехи, и иностранное слово не ясно слышно, с ним может произойти больше фонетических изменений, чем минимально нужно для его адаптации.

При заимствовании слов письменным путём по фонетическому принципу, в заимствованном слове графически выражается произношение, самое близкое к произношению заимствованного слова в языке, из которого оно принято. Новые звуки заменяются фонетически самыми близкими им родными звуками. При заимствовании слов письменным путём *по орфографическому принципу*, графически отражается, прежде всего, орфография заимствованного слова в языке, из которого оно принято. При этом, произношение заимствованного слова может таким быть же, каким оно было бы, если бы слово было принято по фонетическому принципу, но также может и отличаться, и не быть как наиболее можно близким к произношению слова в языке, из которого оно принято, и новые звуки могут быть заменены не самыми близкими им родными звуками. После включения в письменный язык, по орфографическому принципу могут быть усвоены и заимствования, во-первых появившиеся в устной речи.

¹ (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002, <http://grammar.ru/RUS/?id=6.31>): «Иноязычные слова, попадая в наш язык, постепенно ассимилируются им: приспособляются к звуковой системе русского языка, подчиняются правилам русского словообразования и словоизменения, в той или иной степени утрачивая, таким образом, черты своего нерусского происхождения.

Прежде всего обычно устраняются иноязычные особенности звукового оформления слова, например носовые звуки в заимствованиях из французского или сочетания звуков, свойственные английскому языку, и т. д. Затем изменяются нерусские окончания слов, формы рода. Например, в словах почтальон, суфлер, тротуар уже не звучат характерные для французского языка звуки (носовые гласные, трассированный [ʁ]) ...»

1.3. Русский язык

Русский язык – *славянский язык*. Славянские языки происходят от *праславянского языка*. Славянские языки делятся на *восточнославянские, западнославянские и южнославянские языки*. Русский, украинский и белорусский – восточнославянские языки. Общий язык-предок восточнославянских языков – *древнерусский язык*, говорившийся в X-XIV вв. Древнерусский язык говорился в государстве древних восточных славян, Киевской Руси. После распада Киевской Руси под монголо-татарским нашествием, распался и древнерусский язык. От него произошли русский, украинский² и белорусский языки. В их ранней стадии они иногда (напр., в Горшкова, Хабургаев 1981) называются и *старорусский (XIV-XVI вв.), староукраинский и старобелорусский языки*. Русский, как отдельный язык, развился на территории государства Московской Руси. В XVII-XVIII вв. формируется национальный русский язык. Говоры Руси, от которых возник отдельный русский язык, а и сам русский язык в своей старорусской фазе ещё называются и *великорусскими*³ говорами и языком.

² Хотя существуют и другие взгляды [Микола Наконечний], ср. (Trostinska 2016: 165): „... posebno u vezi s tada općeprihvaćenom teorijom o postanku istočnoslavenskih jezika iz zajedničkoga staroruskog jezika, a ne iz njihovih protodijalekata, i to još u vrijeme raspada praslavenskoga.“ („Osvrt na prošlost – tri ranija rada Milenka Popovića“ у „Slavenska filologija. Prilozi jubileju prof. em. Milenka Popovića“, Zagreb: FF press, str. 165–174).

³ В прошлом, название «великорусский» относилось и к современному русскому языку, но с XX века оно в таком значении больше не употребляется.

2. Глухой глоттальный фрикатив [h] среди задних фрикативов.

2.1. Задние фрикативы

Задних фрикативов есть восемь – по двум, один звонкий и глухой, в каждом из задних четырёх мест образования. Здесь приводятся задние фрикативы, их особенности и обозначение в МФА, имеющие их языки, упомянутые в работе, и их орфографическое обозначение в этих языках.

Глухой глоттальный фрикатив [h] самый распространённый из задних фрикативов, будучи фонемой в около 3/5 языков мира (см. Maddieson, Precoda; 1984). Как звук, [h] значительно слабый, отчего его иногда считают не согласным звуком (см. Hayes 2009: 325-326), а придыханием, происходящим наряду с одновременно произносимым гласным звуком. Как фонема, однако, /h/ ведёт себя как согласный, и поэтому он чаще всего числится в согласные звуки, как в Carr (1993); Clark, Yallop (1996); Roca, Johnson (1999). Языками, имеющими или имевшими /h/ как фонему, являются, между прочим, английский, немецкий, финский, шведский, арабский, персидский, японский, древнегреческий и латинский языки. В древнегреческом, /h/ нормально означался диакритическим знаком густого придыхания. В латинском, на основе более редкого древнегреческого написания /h/ литерой, /h/ означался отдельной буквой ⟨h⟩. На основе латинского, фонема /h/ обычно выражается буквой ⟨h⟩ и в других языках, использующих латинский алфавит. Стоит упомянуть, что из-за своей слабости, /h/ нередко слабеет до такой степени, что исчезает как фонема какого-нибудь языка. Таким образом, древнегреческое и латинское /h/ исчезли, и они отсутствуют в новогреческом и романских языках, а пратюркское *h исчезло в большинстве тюркских языков.

Звонкий глоттальный фрикатив [ɦ] отличается от [h] только тем, что он не глухой, а звонкий. Из-за слабости обоих звуков, разница в звонкости/глухости между ними минимально ощутима. Фонемой /ɦ/ является, например, в чешском, словацком и украинском языках. В чешском и словацком /ɦ/ означает латинской буквой ⟨h⟩, а в украинском кириллической буквой ⟨г⟩.

Фарингальные фрикативы, глухой [ħ] и звонкий [ʁ], и увулярные фрикативы, глухой [χ] и звонкий [ʁ], характерны для таких языков как, например, семитские или кавказские.

Глухой велярный фрикатив [x] второй по частоте из задних фрикативов, будучи фонемой в примерно 1/5 языках (см. Maddieson, Precoda; 1984). Он присущ, например, в немецком, как задняя реализация фонемы, выраженной диграфом ⟨ch⟩, в новогреческом, где выражен греческой буквой *χι* ⟨χ⟩, а также во всех славянских языках, где он унаследован из праславянского *x. В славянских языках, использующих кириллицу, /x/ пишется буквой ⟨х⟩. В южнославянских языках, использующих латиницу, /x/ пишется буквой ⟨h⟩. В западнославянских языках, все из которых используют латиницу, /x/ пишется диграфом ⟨ch⟩. В польском языке, /x/ пишется и как ⟨ch⟩ и ⟨h⟩ – как ⟨h⟩, исключительно в некоторых заимствованиях.

Звонкий велярный фрикатив [ɣ] как фонема присущ, например, в новогреческом языке, где выражен греческой буквой *γάμμα* ⟨γ⟩. В большинстве славянских языков [ɣ] находится как аллофон, которым фонема /x/ реализуется перед звонкими согласными, как в русском словосложении *трё[ɣ]грошовой* (Шведова 1980: 28). В белорусском языке и в южном диалекте русского языка, /ɣ/, выраженное буквой ⟨г⟩, является отдельной фонемой.

В некоторых языках аллофонами задних фрикативных фонем являются и палатальные фрикативы, глухой [ç] и звонкий [j]. Глухой палатальный фрикатив [ç], например, передняя реализация фонемы, выраженной диграфом ⟨ch⟩ в немецком, аллофон фонемы /h/ в финском и фонемы /x/ в греческом, а звонкий велярный фрикатив [j] аллофон фонемы /ɣ/ в греческом. Они палатальные фрикативы в строгом смысле. В отдельных языках, иногда и звуки, образуемые немного перед ними, обобщённо означаются как палатальные, как, например, те, которыми произносятся ⟨š⟩ и ⟨ž⟩ в хорватском или ⟨ш⟩ и ⟨ж⟩ в русском.

Есть языки, фонематически различающие три (некоторые кавказские возможно и четыре) места образования задних фрикативов – арабский различает глоттальный, фарингальные и велярные/увулярные фрикативы, в целом имея пять задних фрикативов. Чаще встречаются языки, фонематически различающие два места образования, как немецкий, чешский, словацкий и украинский, с глоттальным и велярным фрикативами. Многие языки имеют одну заднюю фрикативную фонему, как английский, русский или

хорватский. А есть и такие языки, не имеющие задних фрикативов вообще, как итальянский. Некоторые языки, как арабский, греческий или белорусский, фонематически различают задних фрикативов и по звонкости/глухости, в одном или в больше местах образования.

При отсутствии фонематических различений, задние фрикативные звуки часто обладают аллофоничностью. Хороший пример для этого – современный хорватский язык. О разных реализациях задней фрикативной фонемы /x/ в хорватском языке описано в Brozović (2007: 31-32). В хорватском языке фонема /x/, графически выраженная как ⟨h⟩ и в основном реализующаяся глухим велярным фрикативом [x], в позициях перед звонкими звуками реализуется как звонкий велярный фрикатив [ɣ] (как в *du[ɣ] bi*). Но наряду с чередованием /x/ по звонкости, в хорватском и в нейтральных позициях есть альтернативная реализация фонемы /x/, и это глухим глоттальным фрикативом [h]. Реализация фонемы через [x] или [h] варьирует среди говорящих, обычно в зависимости от их родного диалекта – некоторые говорящие произносят [x], некоторые говорящие произносят [h]. Произношение фонемы через [x] было первоначальным, но кажется, что сегодня более распространённым является произношение фонемы через [h]. При этом, если фонема в основном произносится как [h], чередование по звонкости продолжает действовать, и перед звонкими звуками произносится звуковая пара [h], звонкий глоттальный фрикатив [ɦ] (как в *du[ɦ] bi*). Присутствие в хорватском четырёх реализаций фонемы /x/ и свободная реализация фонемы /x/ на велярном и на глоттальном, двух самых далёких друг от друга задних местах образования, хорошо показывают взаимное сходство задних фрикативов.

В разделе и в работе используются определения языковых звуков по их основным фонетическим признакам. Однако, если некоторые фонетические признаки языковых звуков, в отдельных языках не являются фонематически различительными, то при описании звуков в данных языках, они иногда не приводятся, а только используются определения, означающие фонематически различительные признаки данных звуков. Так, например, югозападнорусский (и следовательно украинский) звонкий глоттальный фрикатив [ɦ] иногда (как в Биржакова, Войнова, Кутина 1972 и Успенский 2002), включается в фрикативное [ɣ], если цель только различить их от взрывного [g], а иногда (как в Филин 1972), описывается как фарингальное *h*, чтобы различалось и от белорусского и южновеликорусского велярного [ɣ]. В таких случаях, где главная цель

указать на какое-нибудь фонематическое различие между двумя или несколькими звуками, такое описание достаточно. Для этой работы, между тем, нужно определение исследуемых звуков по всем главным фонетическим признакам, и поэтому они при описании звуков в работе и приводятся.

2.2. Адаптация глухого глоттального фрикатива [h] при заимствовании

Глухой глоттальный фрикатив [h] в заимствованиях может адаптироваться по-разному, зависимо от того, какова звуковая система языка, в который заимствование с [h] принято, особенно по отношению к задним фрикативам. Здесь приведены разные возможные адаптации [h] в заимствованиях, и для каждой из приведённых адаптаций даны соответствующие примеры. Здесь приведены примеры заимствований нарицательных слов, но и если бы привелись и примеры адаптации иностранных имён и названий, содержащих /h/, адаптация была бы одинаковой. В интернациональных заимствованиях древнегреческого или латинского происхождения, адаптация /h/, имевшегося в древнегреческом и латинском, такая же. Приведённые примеры адаптации [h] в данных языках преобладающие – при этом возможны и исключения. Приведённые здесь адаптации [h] относятся к заимствованию по фонетическому принципу. Если в каком-нибудь языке [h] в заимствованиях передаётся не по фонетическому принципу, то его адаптация может идти по-другому, чем приведено здесь.

При заимствовании в языки, в которых нет задних фрикативов, [h] не находит подобного звука, которым мог бы передаваться, и, как достаточно слабый звук, в заимствованных словах выпускается: нем. *Haubitze* > итал. *obice*

Если [h] имеется на одинаковых позициях в обоих языках, участвующих в заимствовании, то он, разумеется, при заимствовании не изменяется: нем. *hinterland* > англ. *hinterland*.

В языках не имеющих /h/, но имеющих самый близкий ему звук, звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/, в заимствованиях [h] адаптируется как /ɦ/: нем. *Hauptmann* > чеш. *hejtman*.

Языки не имеющие /h/, а имеющие фарингальные и/или увулярные фрикативы, редки, и нахождение примеров адаптации [h] в них стоило бы дополнительного исследования.

В языках, не имеющих глоттальных фрикативов, а имеющих глухой велярный фрикатив /x/, [h] в заимствованиях адаптируется как /x/: англ. *hall* > греч. *χολλ*; нем. *Halbe* > болг. *халба*; нем. *Handel* > пол. *handel*.

Звонкий велярный фрикатив /ɣ/, хотя бы в исследуемых в работе языках, если имеется, то, как правило, имеется и его звуковая пара, глухой велярный фрикатив /x/. В языке, не имеющем глоттальных фрикативов, а имеющем /ɣ/ и /x/, [h] в заимствованиях адаптируется как /x/, потому что они фонетически более близки чем [h] и /ɣ/, поскольку между звуками [h] и [x] есть разница только в одном признаке, месте образования, а между звуками [h] и [ɣ] разница в двух признаках, в месте образования и в звонкости/глухости. Такой язык греческий, и в выше приведенном примере видно, что англ. *hall* в греческом стало не *χολλ*, а фонетически самое близкое *χολλ*. Нахождение примеров принятия [h] в языках, не имеющих глоттальных фрикативов и велярного /x/, а только /ɣ/, также стоило бы дополнительного исследования.

При исследовании адаптации [h] в заимствованиях, стоит иметь ввиду, что каким-нибудь звуком, которым передаётся [h] в заимствованиях в каком-нибудь языке, может передаваться не только [h], а больше звуков, если тот звук им фонетически самый близкий. Если, например [h] в каком-то языке в заимствованиях адаптируется как /x/, то не значит что в нём каждое /x/ в заимствованных словах происходит от [h], а оно может стоять и на месте другого звука языка, из которого заимствование принято (чаще всего, если он имеется, того же самого звука [x]). Таким образом, в большей части славянских языков, в заимствованиях и [h], и [x] передаются через славянское /x/. Поэтому, надо учитывать звуки, составляющие слово в языке, из которого заимствование принято, причём не только по фонемам, а и по аллофонам. Например, заимствование в русском языке *пахтать* происходит от финского *pyöhtää* или *pahtaa*. В финском есть фонема /h/, но в конце слога она в зависимости от гласного перед ней реализуется или как палатальное [ç] или как велярное [x], отчего русское /x/ в *пахтать* нельзя считать адаптацией финского [h], а адаптацией финского [ç] или передачей такого же как в русском финского [x].

Особого внимания стоит выделить отношению [h] и [x]. У русскоговорящих, из-за в работе исследуемых причин, сложилось впечатление, что русское [x] и иностранное [h] не являются достаточно близкими друг к другу звуками (об этом подробнее в следующих

главах). Отсутствие достаточной близости между звуками могло бы подтверждаться тем, что, когда заимствование идёт обратным путём от выше приведённого, то есть, когда слово, имеющее [x], заимствуется в язык, имеющий /h/ как единственную заднюю фриктивную фонему, [x] иногда адаптируется как /h/, а иногда не как /h/, а как глухой велярный взрывной /k/. Однако, это совсем фонетически объяснимо, и не значит, что в языках, как русский, [x] не является самым близким звуком к иностранному [h]. Глухой велярный фрикатив [x] имеет по двум общим признакам и с глухим велярным взрывным [k] и с глухим глоттальным фрикативом [h] – с обоими разделяет глухость, к тому с [k] разделяет велярность, а с [h] фриктивность. Оттого, нашедшись в языке, имеющем как задний фрикатив только /h/, [x] может быть воспринятым и как [h], и как среди языков мира широко распространённый звук [k]. Русское [x], например, в английском адаптируется как /k/, а в финском как /h/. Но когда слово с [h] заимствуется в язык, имеющий только велярные задние фриктивы, для [h] фонетически самым близким звуком, единым с ним разделяющим два признака, и фриктивности, и глухости, является именно [x], и поэтому [h] естественно адаптируется как /x/. К тому, передачу русского [x] как /k/ в английском, можно толковать и совсем иначе, чем большей близостью [x] к звуку [k], чем к звуку [h]. В английском /h/ может находиться только в начале слога. Если в заимствовании русское [x] не в начале слога, то на такой позиции у английского нет никакого заднего фрикатива, которым [x] могло бы передаваться, и поэтому оно передаётся ему, в таком случае, действительно самым близким звуком, взрывным [k]. Чтобы русское [x] не передавалось в разных позициях по-разному, в английском установилась передача русского [x] диграфом <kh>, произносимым как [k] (напр., в рус. *колхоз* > англ. *kolkhoz*). В финском, между тем, таких ограничений для фонемы /h/ нет, отчего русскому [x] не приходится адаптироваться как /k/, а на любой позиции может передаваться финским /h/, включая и начало слога, в котором фонема и реализуется звуком [h]. Таким образом, например, в финском сленге *hotsittaa* (< рус. *хотеться*) финскоговорящие восприняли русское [x] как финское [h], прежде чем как [k]. Это добавочно подтверждает обоюдную близость между звуками [h] и [x].

3. Первая фаза адаптации [h] в русском языке: адаптация по фонетическому принципу (до второй половины XVII в.)

3.1. Праславянский период

В праславянском языке были разные заимствования. Так как они приняты до становления отдельного древнерусского языка, они не являются заимствованиями именно в русском языке. Однако, многие заимствования из праславянского периода являются частью лексики русского языка с древних времён по сей день, а также, будучи принятыми в дописьменный период, то есть устной речью, они хорошо показывают фонетическое принятие иностранных звуков, включая и глухой глоттальный фрикатив [h], и поэтому, они здесь приводятся.

Глухой глоттальный фрикатив [h], ставший реализацией в начале слова прагерманской фонемы *h (Trask 2000: 122), был присущ и в разных германских словах, заимствованных из древних германских языков в праславянский язык. В праславянском языке, единственным задним фрикативом был глухой велярный фрикатив /x/, отчего, естественно, иностранное [h] в заимствованиях праславянами было воспринято как славянское /x/: гот. **handags* > праслав. **xodogъ* (> рус. *худогий*); гот. *hlaifs* > праслав. **xlěbъ* (> рус. *хлеб*); др.-герм. **hulma-* > праслав. **xьlмъ* (> рус. *холм*); др.-герм. **hūs* > праслав. **хузъ* (> рус. *хижина*).

3.2. Древнерусский и старорусский периоды

Нет причины, чтобы праславянская фонетическая передача иностранного [h] родным /x/ не продолжалась и в древнерусском, и старорусском периодах истории русского языка, вплоть до её вытеснения конвенциональной передачей во второй половине XVII века. Однако, при нахождении в этих периодах любого документированного заимствованного слова, как-либо передающего глухой глоттальный фрикатив [h], есть трудности, особенно в более древних веках. В одном из главных источников иностранной лексики в древнерусском периоде, греческом языке, древнегреческого /h/ в это время больше не было. В тюркских языках, также имевших контакты с древнерусским языком, /h/, если и имеется, в большинстве случаев встречается редко, прежде всего в заимствованной лексике, и в тюркских заимствованиях в русском языке примеры с тюркским /h/ не

находятся (при исследовании тюркских заимствований в этимологических словарях для этой работы такие слова не были найдены; в разных греческих и тюркских заимствованиях в русском языке есть русское /х/, но оно чаще всего передаёт то же самое греческое и тюркское /х/). Всё же, в более поздних веках встречаются некоторые слова из германских языков, которые свидетельствуют о продолжении фонетического принятия [h] через /х/ в русском языке в данные периоды: др.-в.-нем. *huntari* > др.-шв. *hundari* > рус. *хутор*; шв. *Stockholm* > рус. *Стохолм* (в заглавии сочинения Котошихина).

В этой главе не учитывались говоры Юго-Западной Руси, на основе которых возник украинский язык. В этих говорах произошли фонетические изменения, изменившие принятие ими иностранного [h]. Об этих изменениях, и их воздействии на принятие [h] в русском языке, речь пойдёт в следующей главе.

4. Вторая фаза адаптации [h] в русском языке: адаптация преимущественно по конвенционализованному орфографическому принципу (вторая половина XVII – середина XX вв.)

4.1. Фонетическое изменение праславянского *g в центральной зоне славянских говоров

Ещё в общеславянский период, в центральной зоне славянских говоров, праславянское звонкое велярное взрывное *g перешло в звонкий велярный фрикатив /ɣ/. Потом, уже не в общеславянский период, в некоторых говорах /ɣ/ перешло в звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/. Звонкий велярный фрикатив /ɣ/, происшедший от праславянского *g находится в южном наречии русского языка, в белорусском языке, и в некоторых западнословенских говорах. Звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/, происшедший, через /ɣ/, от праславянского *g, находится в украинском, словацком, чешском, верхнелужицком языках. Севернее и южнее от центральной зоны славянских говоров, то есть в северном наречии русского языка, в польском, полабском, кашубском и нижнелужицком языках, и, за исключением западнословенских говоров, во всех южнославянских языках, праславянское *g сохранилось как звонкий велярный взрывной /g/. О данных изменениях подробно описано в Филин (1972: 244-255). В чешском, словацком и верхнелужицком, /ɦ/ выражено латинской буквой ⟨h⟩. В украинском /ɦ/ и в белорусском и южновеликорусских диалектах /ɣ/ выражены кириллической буквой ⟨г⟩, так же как и им родственное взрывное /g/ в стандартном русском и других кириллицей писанных языках.

4.2. Фонетическая передача [h] в заимствованиях в говорах Юго-Западной Руси и её орфографическая конвенционализация

В говорах Юго-Западной Руси, от которых произошёл украинский язык, праславянское звонкое велярное взрывное *g, через звонкое велярное фрикативное /ɣ/, стало звонким глоттальным фрикативом /ɦ/. Как результат происшедших изменений, глухой велярный фрикатив /x/ больше не был единственным задним фрикативом, а наряду с ним возник и звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/. Это отразилось и в адаптации глухого глоттального фрикатива [h] в заимствованиях – ему фонетически самым близким звуком больше не был [x], а именно [ɦ]. Глухой [h] и звонкий [ɦ] разделяют место образования, но они звуки не тождественные – [h], на самом деле, имеет сходство глухости с [x], которого не

имеет с [h̥]. Тем не менее, у глоттальных фрикативов, из-за слабости их произношения, разница в звонкости/глухости минимально ощутима, и поэтому глухому глоттальному фрикативу [h̥] действительно фонетически самый близкий звук его звуковая пара, звонкий глоттальный фрикатив [h]. Оттого, в говорах Юго-Западной Руси, и от них возникшем украинском языке, иностранное [h] в заимствованиях принималось и принимается как родное /h̥/, выраженное кириллической буквой ⟨г⟩ (напр., нем. *Haken* > укр. *гак*).

На основе фонетического принятия иностранного [h] родным /h̥/, на Юго-Западной Руси при заимствовании сложилась конвенция передачи латинской графемы ⟨h⟩ кириллической графемой ⟨г⟩. Таким образом, звуки в иностранных заимствованиях в большинстве случаев передавались по фонетическому принципу, так как в иностранных языках буква ⟨h⟩ чаще всего означала глухой глоттальный фрикатив /h̥/, а в некоторых западнославянских языках и самый же звонкий глоттальный фрикатив /h/. Между тем, звук, выраженный латинским ⟨h⟩, не всегда был фонетически самым близким звуком к звуку, выраженному украинским ⟨г⟩. В польском языке, буква ⟨h⟩ означает глухой велярный фрикатив /x/. Хотя тот же самый звук, выраженный кириллическим ⟨х⟩, есть и в украинском языке, польское /x/, если выражено буквой ⟨h⟩, в украинском не передаётся им, а звонким глоттальным фрикативом /h̥/, поскольку он означен украинским ⟨г⟩. Если бы заимствование из польского *hetman* было принято в украинском по фонетическому принципу, то оно стало бы **хетман*, то есть польское [x] было бы принято одинаковым же украинским [x]. На самом деле, польское *hetman* в украинский было принято как *гетьман*, то есть польское [x] было заменено украинским [h̥]. Это показывает, что, хотя иностранное [h] принимается украинским /h̥/ по фонетическому принципу, от этого сложившаяся на Юго-Западной Руси система передачи латинской буквы ⟨h⟩ кириллической буквой ⟨г⟩ идёт не всегда по фонетическому принципу, а прежде всего по орфографическому. Они в большинстве случаев соответствуют друг другу, но если нет, то фонетический иногда уступает орфографическому, и передача звуков идёт на основе передачи графем по орфографической конвенции.

4.3. Влияние югозападнорусских говоров на русский язык. Принятие системы орфографической передачи латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке

Ещё в древнерусский период фрикативное произношение буквы ⟨г⟩ говоров Юго-Западной Руси оказывало воздействие на произношение ⟨г⟩ и в тех частях Руси, в которых праславянское взрывное *g сохранилось. В древней Руси главным городом был Киев – оттого фрикативное произношение ⟨г⟩, какое было в Киеве, считалось самым литературным (о книжном произношении ⟨г⟩ подробно в Успенский 2002: 155-159). Об этом свидетельствует и самая древняя документированная передача иностранного звука [h] кириллическим ⟨г⟩ – в новгородских берестяных грамотах финское слово *hulkiä* передаётся как *гулкиа*, а финское название *Huhmar* передаётся как *гумор*. (Успенский 2002: 158, Филин 1972: 255) В это время, в Киеве и на Юго-Западной Руси, и обыкновенным, и литературным произношением ⟨г⟩ было фрикативное /h/, на южной и западной Руси это было фрикативное /ɣ/, но на северной Руси характерное произношение ⟨г⟩ было взрывное. Оттого стоит здесь полагать, что при литературном произношении ⟨г⟩, при отсутствии других задних фрикативов, на северной Руси ⟨г⟩ произносилось как единый родной задний фрикатив – /x/. Это предположение поддерживается и тем, что и болгарам, также не обладающим фрикативным /ɣ/ ни /h/, а только взрывным /g/ и фрикативным /x/, литературное древнерусское произношение ⟨г⟩ звучало как [x] – болгарский книжник Константин Костенечский указывал (как упоминает Успенский 2002: 158), что на Руси *господине* произносят как *хосподине*. Таким образом, финские аллофоны [h] и [x] (в слове [h]u[x]mar есть оба), в новгородских берестяных грамотах могли передаваться и кириллическим ⟨x⟩ и кириллическим ⟨г⟩, имеющими одинаковое произношение в литературной речи в древнем Новгороде. Так как в них иностранное /h/ вероятнее всего было на самом деле принято по фонетическому принципу, данные примеры можно было привести и в предыдущей главе – они, тем не менее, приводятся здесь, потому что для их объяснения надо было во-первых описать изменения праславянского *g, а также они хорошо показывают древность влияния в произношении ⟨г⟩ говоров Юго-Западной Руси на всю Русь и проявления этого влияния в записывании иностранного /h/ буквой ⟨г⟩.

К посредству югозападнорусских говоров возможно отнести и редкий пропуск иностранного звука [h] в русском языке (иностранная графема ⟨h⟩ в русском иногда

пропускается, но, как правило, только когда непронизносима). Известно, что в югозападнорусских говорах звук [h] и в начальной позиции иногда опускается, как документировано, между прочим, в обращении *осподи*, проникшем и в другие говоры Руси (Филин 1972: 252; Успенский 2002: 157). Возможно, что иностранное [h], будучи принятым в староукраинские говоры как /h/, в некоторых словах исчезло, и что эти слова в такой форме без /h/ были приняты в великорусский язык. Таким образом могли бы объясняться засвидетельствованные формы как *Амбург* (нем. *Hamburg*), *ерр(ь)* (нем. *Herr*) и *арцук* (нем. *Herzog*). Если так, то эти слова нельзя считать примерами адаптации [h] в русском языке, так как при их заимствовании в русский язык на месте [h] уже никакого звука не было. Есть и другая возможность, что эти слова, имея [h], прямо были заимствованы в русский язык, но что [h], как слабый звук, при заимствовании не был хорошо слышен и следственно не принялся (как, например, произошло при нем. *Hebzange* > пол. *obcegi*). Наконец, это же могло произойти и если эти слова, имея [h], были приняты через украинский. В любом случае, такие формы не сохранились, а их вытеснили формы, как-нибудь передающие [h].

Главное воздействие юго-западных говоров на передачу иностранного [h] в русском языке, всё-таки было в середине и второй половине XVII века. В то время укреплялись связи между Московской и Юго-Западной Русью, и части Юго-Западной Руси, включая Киев, были присоединены в Московскую Русь (о югозападнорусском влиянии на великорусский язык в это время подробно в Успенский 2002: 411-432). Многие члены югозападнорусского духовенства и интеллигенции стали переезжать в Москву, новую их столицу. Московская Русь имела мало связей с западом, и влияние западных языков в ней было минимальным. У Юго-Западной Руси, с другой стороны, было гораздо больше связей с западом, чем у Москвы, и югозападнорусские книжники были знакомы с лексикой из латинского, немецкого и других западных языков, которую они заимствовали в свой родной староукраинский язык. При этом, они в заимствованиях передавали латинское ⟨h⟩ украинским кириллическим ⟨г⟩ (напр. лат. *honor* > укр. *гоно́р*), в соответствии с системой, сложившейся на основе украинского произношения ⟨г⟩. Своим приходом в Москву и своей последующей деятельностью в ней, югозападнорусское духовенство и интеллигенция включили в великорусский язык разные заимствования из западных языков. Эти слова они писали по югозападнорусской системе, отчего латинское ⟨h⟩ они продолжали передавать кириллическим ⟨г⟩. Так как в Московской Руси, многие западные слова впервые встретились посредством

югозападнорусских книжников, они принимались по югозападнорусской системе, несмотря на то, что великорусское ⟨г⟩ не представляло фонетически самый близкий звук к иностранному [h]. После принятия ряда иностранных слов таким, югозападнорусским, образом, система передачи иностранного ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ конвенционализировалась и в русском языке, и в последствии, заимствованные слова, принятые не через украинский, а прямо из западных языков, продолжали по той же системе усваиваться. Когда в начале XVIII века, при правлении Петра I связи России и запада резко усилились, и многочисленные заимствования стали приниматься в русский язык, данная система уже была вполне действующей.

4.4. Влияние южновеликорусского /ɣ/ на принятие югозападнорусской системы передачи иностранного ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке

В южновеликорусском диалекте⁴ (см. Филин 1972: 244), фонема происшедшая от праславянского *g и выраженная кириллическим ⟨г⟩ – звонкий велярный фрикатив /ɣ/. В современном русском языке, произношение ⟨г⟩ как [ɣ] считается диалектальным (ср. Галинская 2009: 77) и нестандартным, однако в более древних периодах, из-за влияния фрикативного произношения ⟨г⟩ югозападнорусских говоров, произношение ⟨г⟩ как [ɣ] считалось более литературным, чем взрывное произношение, особенно в церковной среде, в которой оно продолжало быть стандартным вплоть до начала XX века (Успенский 2002: 159). Временем, с постепенным уменьшением влияния церковного произношения, [ɣ] было вытеснено взрывным [g] как стандартным произношением русского ⟨г⟩, но оно всё ещё иногда произносится в некоторых словах, связанных с церковным употреблением, как *Господь* и *Бог*. Кроме того, на некоторых позициях ⟨г⟩ произносилось как [ɣ] не только в южновеликорусских диалектах, а шире – от этого в стандартном языке осталось фрикативное произношение ⟨г⟩ в словах *лёгкий* и *мягкий*, которое, при оглушении перед [k], реализуется как [x].

Наличие звонкого велярного фрикатива /ɣ/ в говорах великорусского языка само по себе не было достаточным для того, чтобы глухой глоттальный фрикатив [h] передавался им,

⁴ Для южного диалекта современного русского языка можно было бы употребить название «южнорусский». Но если относится к периоду до XVIII века, название «южнорусский» охватывает все говоры южной Руси, то есть и южновеликорусские, и югозападнорусские. Поэтому здесь для южного диалекта (велико)русского языка употребляется название «южновеликорусский».

а не глухим велярным фрикативом /x/. Как объяснено во второй главе, глухому глоттальному фрикативу [h] и глухому велярному фрикативу [x] совместна глухость, которая не совместна и звонкому велярному фрикативу [ɣ], и оттого [h] фонетически является более близким к [x] чем к [ɣ]. Поэтому, в русском языке, и при наличии /ɣ/, [h] в заимствованиях всё-таки адаптировался бы по фонетическому принципу не как /ɣ/, а как /x/, ему фонетически самая близкая русская фонема, и представляющее его латинское ⟨h⟩, передавалось бы не русским ⟨г⟩, а ⟨х⟩. Это подтверждается и адаптацией [h] в греческом, приведённой во второй главе. Белорусская передача иностранного ⟨h⟩ белорусским ⟨г⟩, выражающим /ɣ/, идёт большей частью по орфографической основе, так как, например, и польское ⟨h⟩, означающее [x], в белорусском передаётся не как ⟨х⟩, а как ⟨г⟩ (как в нем. *Handel* > пол. *handel* > бел. *гандаль*). Условия для фонетической передачи иностранного ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ произошли лишь в говорах Юго-Западной Руси, где /ɣ/ перешло в звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/, который действительно стал фонетически самым близким звуком к [h], отчего [h] в заимствованиях стало именно передаваться им, выраженным кириллической буквой ⟨г⟩.

Всё же, великорусское звонкое велярное фрикативное /ɣ/, оказало влияние на принятие передачи иностранного ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке. Если бы в русском языке ⟨г⟩ произносилось только как взрывное [g], то при встрече с иностранным произношением ⟨h⟩, русские могли бы, учитывая несходство звуков [h] и [g], отказаться от установленной югозападнорусскими книжниками передачи его кириллическим ⟨г⟩, и вместо того, стать передавать его ему по произношению более подходящим кириллическим ⟨х⟩. Между тем, достаточно распространённое великорусское произношение ⟨г⟩ как [ɣ], (звук фрикативный, как и [h]), сделало у русских впечатление, что югозападнорусская система передачи иностранного ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ является самой подходящей и для великорусского языка, и что великорусское фрикативное [ɣ], по-настоящему является самым похожим на иностранное [h] русским звуком (см. Третьяковский в Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 186-187). Это способствовало полному принятию такой системы в русском языке, так как русские её считали не просто конвенционализированной, а верно связывающей иностранный и русский звуки.

4.5. Орфографическая передача латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩ в русском языке в XVII-XX вв.

Установившаяся во второй половине XVII века система передачи иностранного латинского ⟨h⟩ русским кириллическим ⟨г⟩ преобладала и в XVIII, XIX и первой половине XX века, в целом почти три века. В этот длительный период, в иностранных словах, в русский язык пришедших, как правило, из латинским шрифтом писанных западных языков, латинское ⟨h⟩ преимущественно передавалось кириллическим ⟨г⟩, что видно в многочисленных иностранных корнях, словах, именах и названиях, усвоенных в русском языке: *гемо-, гемид-, гидро-, гиппо-, гипер-, гомо-, гетеро-, гармония, герой, гибрид, гигиена, гимн, гипноз, горизонт, гороскоп, гонорар, гуманизм, гавань, галстук, герцог, госпиталь, галлюцинация; Гомер, Гесиод, Гераклит, Геродот, Ганнибал, Гораций, Гамлет, Герман, Ганс, Генрих, Габсбург, Гегель, Гейне, Гюго, Гессе, Гитлер; Голландия, Гамбург, Ганновер, Гаага, Гавр, Гондурас, Гавана, Гавайи, Гарвард, Гудзон*

В западных языках, в древнегреческих словах и корнях древнегреческое /h/ было выражено латинским ⟨h⟩, которое, пришедши из западных языков, в русском чаще всего выражалось через ⟨г⟩. Однако, в русском языке, ещё с допетровских времён, существовали, особенно в области религии, и греческие заимствования, пришедшие прямо из греческого языка, которые отражали византийское и новогреческое произношение, в котором древнегреческого /h/ больше не было, напр., слово *иерей*. Под влиянием такого допетровского образа принятия греческих слов, и в некоторых древнегреческих словах, пришедших из западных языков, в соответствии с новогреческим произношением, ⟨h⟩ выпускалось. Такие слова, например, *иероглиф, ипотека, ипохондрия, истерика*. В некоторых языках ⟨h⟩ не произносится, либо во всех, либо в отдельных словах и позициях, и в заимствованиях в русском, произносимое ⟨h⟩ иногда выпускалось, особенно если заимствование было принято через устную речь. Английское слово *humor*, в котором ⟨h⟩ ранее не произносилось, в русский было заимствовано как *юмор*. Французское ⟨h⟩, которое в речи не произносится, в некоторых словах, как *азарт* (< фр. *hazard*) и *отель* (< фр. *hôtel*), так же выпускалось, но были и те, в которых оно по положенной системе передавалось, как упомянутые фамилия Гюго (< фр. *Hugo*) и название города Гавр (< фр. *Le Havre*). То, что в французском не произносится ⟨h⟩ в древнегреческих словах, могло повлиять и на выпуск ⟨h⟩ при

заимствовании некоторых древнегреческих слов в русском. О передаче или пропуске иностранного ⟨h⟩ в заимствованиях XVIII века подробно написано в Биржакова, Войнова, Кутина (1972: 186-194)

Некоторые заимствования с ⟨h⟩, в XVIII веке появлялись в двух формах, одной передающей ⟨h⟩ как ⟨г⟩, и одной выпускающей его (Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 186-194). После некоторого времени одна из них становилась бы единственной, а другая перестала бы использоваться. Древнегреческие слова часто появлялись в обеих формах: *горизонт-оризонт*; *иероглиф-иероглиф*. Две формы иногда встречались и у слов, в которых ⟨h⟩ произносилось в одних языках (напр., немецком, польском, латинском...), а в других (напр., французском, итальянском...) не произносилось: *гумор-умор*; *азарт-газарт*. А и такие слова, где ⟨h⟩ регулярно произносилось, в русском, редко, встречались в двух формах, как *герцог-арцук*, о чём написано в разделе 4.3.

При усваивании слов и названий из языков, не использующих латинский алфавит, но (слов и названий) пришедших в русский язык посредством западных языков, если в их форме в западных языках имелось латинское ⟨h⟩, оно также передавалось русским ⟨г⟩, напр., в *гарем* (из арабского, через фр. *harem*), *Тегеран* (из персидского, через франц. *Téhéran*) *Гонконг* (из кантонского китайского, через англ. *Hong Kong*), *Йокогама* (из японского, через англ. *Yokohama*).

В хорватском и словенском языках, латинское ⟨h⟩ означает ту же по происхождению фонему /x/, как и русское ⟨х⟩, и оттого оно передавалось и передаётся русским ⟨х⟩.

4.6. Адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в русском языке на основе системы передачи иностранного латинского ⟨h⟩ русским кириллическим ⟨г⟩

Так как латинское ⟨h⟩ прежде всего означало глухой глоттальный фрикатив /h/, он при заимствовании в русский язык адаптировался как фонема, реализующая букву ⟨г⟩, то есть либо как фрикативное /ɣ/, либо как взрывное /g/.

Для тех русскоговорящих, произносивших ⟨г⟩ как [ɣ], данную систему адаптации [h] в русском языке, отчасти можно считать фонетической, потому что, хотя [ɣ] не был

фонетически самым близким к [h] русским звуком, людям произносившим его, он казался таким, и они могли думать, что иностранное [h] в их речи адаптируется по фонетическому принципу. Тем не менее, основой этой системы в русском языке, на самом деле, была сложившаяся в конце XVII века орфографическая конвенция – звук [h] адаптировался как фонема /y/, потому что, по конвенционализованному орфографическому принципу буква ⟨h⟩ передавалась как буква ⟨г⟩. Оттого эту систему следует главным образом считать конвенциональной, а только отчасти фонетической. Примеры передачи непроносимого ⟨h⟩ русским ⟨г⟩ хорошо показывают частое преимущество в данной системе конвенционализованного орфографического принципа над фонетическим.

Для тех русскоговорящих, произносивших ⟨г⟩ как [g], принцип адаптации иностранного [h] русским [g] бесспорно не был фонетическим, а совсем конвенционально-орфографическим. Глухой глоттальный фрикатив [h] и звонкий велярный взрывной [g] отличаются по всем трём главным параметрам согласного звука – и по звонкости/глухости, и по месту образования, и по способу образования. С XIX века, взрывное произношение ⟨г⟩ стало стандартным и преобладающим среди русскоговорящих. Тем не менее, крепко установившаяся конвенция оставалась действующей, и в заимствованных словах, иностранных именах и названиях, [h] главным образом продолжало адаптироваться как /g/, вплоть до середины XX века.

4.7. Редкая фонетическая адаптация [h] во время преобладания конвенциональной адаптации

Во время преобладания конвенциональной адаптации [h] в русском языке, встречались и некоторые случаи, где [h] в заимствованиях адаптировалось по фонетическому принципу как /x/, предположительно, если заимствование было принято через устную речь. В XVIII веке, наряду с установившимися формами *азарт* и *арлекин* (и неустановившимися *газард* и *гарлекин/герлекин*), встречаются и формы *хазард* и *харлекин/херлекин*. Эти слова, очевидно, отражают немецкое (*хазард*, возможно, и польское) произношение, в которых буква ⟨h⟩ произносилась. В вариантах *хазард* (если принято через немецкий) и *харлекин/херлекин*, а и в заимствовании из немецкого *гэхеймрат* (< *Geheimrat*), немецкое [h] адаптировалось фонетически, то есть, как русское /x/. Ещё пока система передачи латинского ⟨h⟩ русским ⟨г⟩ была действующей, с начала

XX века, для языков не использующих латинский алфавит, начались создаваться системы транскрипции по фонетическому принципу в которых глухой глоттальный фрикатив /h/ передавался фонетически ему ближайшим русским /х/, как, например, в названии японских островов *Хонсю* и *Хоккайдо* (по системе Поливанова с 1917 г.; см. Поливанов 1968). В раннем XX веке, в русском появляется и из английского языка заимствованное слово *хулиган*. В нём, как исключение от всё ещё действующей конвенции, ⟨h⟩ передалось как ⟨х⟩, и /h/ адаптировалось фонетически как /х/, потому что, может быть, слово пришло в русский язык через устную речь.

5. Третья фаза адаптации [h] в русском языке: повторная адаптация преимущественно по фонетическому принципу (с середины XX века)

5.1. Адаптация иностранного /h/ русским /x/ по фонетическому принципу. Передача латинской графемы ⟨h⟩, означающей /h/, кириллической графемой ⟨х⟩, означающей /x/.

В середине XX века, конвенциональная система передачи латинской буквы ⟨h⟩ русским ⟨г⟩, по которой звук [h] передавался русским /g/, уступила место системам, передающим [h] по фонетическому принципу. В условиях усиления международных связей, и широкого использования звуковых технологий, фонетически близкая передача иностранных слов и названий в русский язык становилась всё более важной, и конвенциональная передача [h] фонетически далёким от него русским /g/ не могла оставаться преобладающей. Вместо неё, для передачи звуков из западных языков, были созданы системы транскрипции, по фонетическому принципу передающие фонему /h/, ей фонетически ближайшей русской фонемой, глухим велярным фрикативом /x/. Таким образом, после длительного периода конвенциональной адаптации /h/, в русском языке снова стала преобладающей фонетическая адаптация /h/, русским /x/. В отличие от прежней конвенционализированной системы, в которой фонетическая передача была определена орфографической, здесь орфографическая передача латинского ⟨h⟩ русским ⟨х⟩ обусловлена фонетической – если ⟨h⟩ не произносится, как например в французском и испанском, оно не передаётся как ⟨х⟩, а регулярно пропускается.

Итак, например, английское ⟨h⟩, по-прежнему в русский передаваемое как ⟨г⟩, по новой, фонетической, системе, стало передаваться как ⟨х⟩. В справочнике Гиляревского и Старостина (2-ое изд. 1978, 1-ое изд. 1969) приводятся разные английские имена и названия, по фонетическому принципу транскрибируемые в русский: *Хилари (Hillary)*, *Хоуп (Hope)*, *Хьюберт (Hubert)*, *Хью (Hugh)*, *Хардинг (Harding)*, *Харрисон (Harrison)*, *Хейвуд (Heywood)*, *Хайбридж (Highbridge)*. Наряду с именами и названиями, в русский язык с половины XX века, а особенно в конце XX и в XXI веке, приняты многие общие английские заимствования, и в них английское /h/ так же адаптируется по фонетическому принципу русским /x/: *хакер (hacker)*, *хит (hit)*, *хобби (hobby)*, *хоккей (hockey)*, *холдинг (holding)*, *холл (hall)*, *хэнд-аут (handout)*.

5.2 Конвенциональная и фонетическая адаптации /h/ в современном русском языке

При этом, заимствования, в которых ⟨h⟩ передано русским ⟨г⟩, как те, приведённые в четвертой главе, среди заимствований, передавших звук [h], остаются большинством. Многие имена и названия, установившиеся в форме с /g/, в такой форме продолжили передаваться – в справочнике Гиляревского и Старостина, между прочим, приведены такие примеры из английского: *Гамильтон (Hamilton)*, *Гайд-парк (Hyde Park)*, *Герберт (Herbert)*, *Говард (Howard)*. К тому, и новообразованные слова, если созданы из корней, установившихся в форме с /g/, сохраняют /g/ – английское слово *harmonizer*, в русский на основе слова *гармония* заимствовалось как *гармонайзер*.

В некоторых случаях, у одного слова или корня, если относится к хотя бы двум разным носителям, одновременно существуют две формы, и старая, передающая /h/ как /g/, и новая, передающая /h/ как /x/. Разные формы, как правило, относятся к разным носителям. Например, английское название и фамилия *Hyde*, в русском находится и в формах *Хайд* и *Гайд*, причём форма *Хайд* может относиться к разным людям и местам, а форма *Гайд* прежде всего относится к *Гайд-парку*.

Иногда, форма с /g/, обычно если не крепко установилась, заменяется формой с /x/. Пример для этого столица Финляндии, в русском языке долгое время известная по шведскому названию *Гельсингфорс (Helsingfors)*, а с независимости Финляндии ставшая официально называться по-фински, *Helsinki*. В то время, в русском языке всё ещё действовала система передачи ⟨h⟩ как ⟨г⟩, и так *Helsinki* в раннем советском периоде назывался *Гельсинки* (как видно, например, в 1-ом издании Большой советской энциклопедии, в томах 15 из 1929 г. и 57 из 1936 г.). Это название, однако, будучи использованным не долго, не крепко установилось, отчего, когда иностранное ⟨h⟩ стало передаваться русским ⟨х⟩, и форма *Гельсинки* перестала использоваться и заменилась формой *Хельсинки*.

Заключение

В работе исследована адаптация глухого глоттального фрикатива [h] в иностранных и заимствованных словах в русском языке. Если слово, имеющее звук [h], заимствуется в язык, в котором он отсутствует, [h] адаптируется звуковой системе языка, в который заимствование принимается. При адаптации по фонетическому принципу, [h] адаптируется как ему фонетически самый близкий звук языка, в который содержащее его слово принято. Звук [h] – один из задних фрикативных звуков. Если в языке, в который заимствование с [h] принято, нет задних фрикативов, для [h] нет близкого звука, и он опускается. Если задние фрикативы есть, то [h] адаптируется как, тот из них, который ему фонетически самый близкий. В русском языке звука [h] нет, и единственный задний фрикатив – глухой велярный фрикатив /x/. Русский [x] фонетически самый близкий к [h] русский звук и при заимствовании иностранных слов в русский язык по фонетическому принципу, [h] адаптируется как /x/. В русском языке, в самых старых заимствованиях, принятых устной речью, [h] адаптировалось по фонетическому принципу, как русское /x/. С половины XVII века, однако, эта первая фаза адаптации [h] в русском языке перешла во вторую фазу, в которой [h] преимущественно адаптировалось как фонема, которой произносилась буква ⟨г⟩, то есть как взрывное /g/ или фрикативное /ɣ/. Причины для того могут объясниться. В центральной зоне славянских говоров, праславянское взрывное *g перешло в фрикативное /ɣ/, которое в некоторых говорах перешло, включая и говоры Юго-Западной Руси, в звонкий глоттальный фрикатив /ɦ/. Так как [ɦ] самый близкий звук к звуку [h], в славянских говорах, имевших /ɦ/, иностранное [h] им адаптировалось. В говорах Юго-Западной Руси, слова со звуком [h] главным образом заимствовались из латиницей писанных языков, в которых /h/ означался буквой ⟨h⟩, в то время как югозападнорусское /ɦ/ писалось кириллической буквой ⟨г⟩. От этого на Юго-Западной Руси сложилась конвенция орфографической передачи латинского ⟨h⟩ кириллическим ⟨г⟩. В XVII веке, в результате усиления связей между Московской и Юго-Западной Русью и присоединения частей Юго-Западной Руси в Московскую, в русский язык, посредством югозападнорусских книжников, пришли разные известные на Юго-Западной Руси иностранные слова. В этих словах, иностранное ⟨h⟩, если имелось, было передано кириллическим ⟨г⟩, в соответствии с системой, использованной на Юго-Западной Руси. Вскоре, после прихода в русский язык ряда слов, в которых ⟨h⟩ было передано как ⟨г⟩, и в русском языке установилась конвенциональная передача латинского

⟨h⟩ русским ⟨г⟩, хотя ни русское [g] ни русское [ɣ] (русские звуки, которыми буква ⟨г⟩ произносилась) не было самым близким русским звуком к иностранному [h]. Русское произношение ⟨г⟩ как [ɣ], тогда ещё достаточно распространённое, и если не глухое как [h] (и как русское [x]), оно всё-таки было фрикативным, и оттого могло считаться похожим на [h] и повлиять на принятие системы конвенциональной передачи ⟨h⟩ русским ⟨г⟩. Но и потом, когда взрывное произношение ⟨г⟩ стало главным в русском языке, ⟨h⟩ всё ещё продолжало передаваться как ⟨г⟩, с адаптацией /h/ как /g/. Данная конвенция преобладала в части XVII, в XVIII, XIX и в части XX веков. Всё же, и в этом периоде встречаются редкие примеры фонетической адаптации [h] русским /x/. Только в середине XX века, снова стала преобладающей фонетическая адаптация [h]. Это третья, и современная, фаза адаптации [h] в русском языке. Из-за фонетического несоответствия между [h] и [g], конвенциональная передача была заменена фонетической. По ней, латинское ⟨h⟩, означающее /h/, передаётся русским кириллическим ⟨х⟩, означающим /x/. При этом, в русском языке остаётся большое количество заимствованных и иностранных слов, усвоенных во второй фазе, в которых [h] адаптировалось по конвенции.

Литература

Аванесов Рубен Иванович (1956) *Фонетика современного русского литературного языка*. Издательство Московского университета.

Режим доступа: <http://dazor.narod.ru/books/avanesov-fonetika/original/0002.html> 17.9.2018.

Андрейчин Любомир Димитров [et. al]; ред. Попов, Димитър (2004) *Български тълковен речник*. София: Наука и изкуство.

Баскаков Николай Александрович (1988) *Историко-типологическая фонология тюркских языков*. Москва: Наука.

Режим доступа: http://altaica.ru/LIBRARY/BASKAKOV/baskakov_phon_12.pdf 2.9.2018.

Биржакова Елена Эдуардовна; Войнова Лариса Анатольевна; Кутина Лидия Леонтьевна (1972) *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука.

Бояджиев Тодор; Тилков Димитър (1999) *Фонетика на българския книжовен език*. Велико Търново: Абагар.

Булыка Аляксандр Мікалаевіч (1999) *Слоўнік інімоўных слоў I А-Л*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя.

Режим доступа:

<https://issuu.com/movazbor/docs/ee3fed85192c41> 2.9.2018.

Вавилов Сергей Иванович; Введенский Борис Алексеевич (главные редакторы) (1949-1958) *Большая советская энциклопедия* Москва: Государственный институт Советская энциклопедия.

Режим доступа: <http://in.1543.ru/pub/bse/> 2.9.2018.

Виноградов Виктор Владимирович; Истрина Евгения Самсоновна; Бархударов Степан Григорьевич (редакционная коллегия) (1960) *Грамматика русского языка. Т. 1, Фонетика и морфология*. Москва: Издательство академии наук SSSR.

Виноградов Виктор Владимирович (1978) *История русского литературного языка: избранные труды*. Москва: Наука.

Галинская Елена Аркадьевна (2009) *Историческая фонетика русского языка*. Москва: Издательство Московского университета.

Гиляревский Руджеро Сергеевич; Старостин Борис Анатольевич (1978) *Иностранные имена и названия в русском тексте: справочник*. Москва: Международные отношения.

Главное управление геодезии и картографии МВД СССР (1955) *Общая инструкция по передаче географических названий на картах*. Москва: Геодезиздат.

Горшкова Клавдия Васильевна; Хабургаев Георгий Александрович (1981) *Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов*. Москва: Высшая школа.

Режим доступа:

<https://docplayer.ru/25890803-Gorshkova-k-v-haburgaev-g-a-istoricheskaya-grammatika-russkogo-yazyka-ucheb-posobie-dlya-un-tov-m-vyssh-shkola-s.html> 2.9.2018.

Дьяков Анатолий Иванович (2014-2018) *Словарь англицизмов русского языка*.

Новосибирск.

Режим доступа: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/Slovar> 2.9.2018.

Иванов Валерий Васильевич (1983) *Историческая грамматика русского языка*.

Москва: Просвещение.

Колесов Владимир Викторович (2008) *Русская историческая фонология*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Котошихин Григорий Карпович (1906) *О России в царствование Алексея Михайловича. Издание четвертое*. Санкт-Петербург: Издание Императорской Археографической Комиссии.

Режим доступа: http://fulltext.pl.spb.ru/KalnCBS/kaln_24085.pdf 2.9.2018.

Крижанівська Ольга Іванівна (2010) *Історія української мови: історична фонетика, історична граматики: навчальний посібник*. Київ: Академія.

Мельничук Олександр Савич (гл. ред.) (1982) *Етимологічний словник української мови: В 7 т. – Т. 1: А-Г*. Київ: Наукова думка.

Режим доступа: http://history.org.ua/LiberUA/EtSIUkrM_1982/EtSIUkrM_1982.pdf 2.9.2018.

Поливанов Евгений Дмитриевич (1968) *Статьи по общему языкознанию*. Москва: Наука.

Розенталь Дитмар Эльяшевич, Голуб Ирина Борисовна, Теленкова Маргарита Алексеевна (2002) *Современный русский язык*. Москва: Айрис-Пресс

Режим доступа: <http://gramma.ru/RUS/?id=6.31> 17.9.2018.

Сердюченко Георгий Петрович (1967) *Русская транскрипция для языков зарубежного востока*. Москва: Наука.

Режим доступа: <http://en.bookfi.net/book/671713> 2.9.2018.

Тимко-Дітко Оксана, Юсип-Якимович Юлія. (2017) *Історична граматика української мови*. Загреб: FF press.

Успенский Борис Андреевич (1994) *Краткий очерк истории русского литературного языка: (XI-XIX вв.)*. Москва: Гнозис.

Успенский Борис Андреевич (2002) *История русского литературного языка: (XI-XVII вв.)*. Москва: Аспект Пресс.

Фасмер Макс; перевод с немецкого и дополнения Грубачёва Олега Николаевича (2004) *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4 . Москва: Астрель: АСТ.

Филин Федот Петрович (1972) *Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк*. Ленинград: Наука.

Шведова Наталья Юльевна (главный редактор) (1980) *Русская грамматика. Том I. фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология*. Москва: Наука.

Режим доступа: http://lukashevichus.info/knigi/russk_gramm_sl_shvedova_1.pdf 2.9.2018.

Шмидт Отто Юльевич (главный редактор) (1926-1947) *Большая советская энциклопедия. Первое издание*. Москва: Акционерное общество Советская энциклопедия; Государственный институт Советская энциклопедия.

Режим доступа: <http://in.1543.ru/pub/bse/> 2.9.2018.

Altmann, Hans; Ziegenhain, Ute (2002) *Phonetik, Phonologie und Graphemik fürs Examen*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

Andrić, Josip (2013) *Slovačka slovnica*. Zagreb: Kiklos – krug knjige.

Bąk, Piotr (2007) *Gramatyka języka polskiego: zarys popularny*. Warszawa: Wiedza Powszechna.

Brozović, Dalibor (2007) *Fonologija hrvatskoga standardnog jezika*. Zagreb: Nakladni zavod Globus.

Brückner, Aleksandar (1927) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza.

Carr, Philip (1993) *Phonology*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; London: The Macmillan press.

- Clark, John; Yallop, Colin (1996) *An Introduction to phonetics and phonology*. Cambridge, Mass.: Blackwell, Repr.
- Cortelazzo, Manlio; Zolli, Paolo (1997) *Dizionario etimologico della lingua italiana. 4, O-R*. Bologna: Zanichelli.
- Čelić, Željka (ur.); Fuderer, Tetyana (ur.) (2016) *Slavenska filologija: Prilozi jubileju prof. em. Milenka Popovića*. Zagreb: FF press.
- Harper, Douglas (2001-2018) *Online Etymology Dictionary*
Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> 2.9.2018.
- Hayes, Bruce (2009) *Introductory Phonology*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Holmes, Philip; Hinchliff, Ian (2000) *Swedish: a comprehensive grammar*. London; New York: Routledge.
- Holton, David; Mackridge, Peter; Philippaki-Warbuton Irene (2007) *Greek: an essential grammar of the modern language*. London; New York: Routledge.
- Institute for the Languages of Finland [Kotimaisten kielten keskus] (2018) *Kielitoimiston sanakirja*.
Режим доступа: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/> 2.9.2018.
- Maddieson, Ian; Precoda, Kristin (1984) *UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID)*.
Режим доступа: http://web.phonetik.uni-frankfurt.de/upsid_info.html 2.9.2018.
- Matasović, Ranko (2008) *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Muljačić, Žarko (1972) *Opća fonologija i fonologija suvremenoga talijanskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Panhuis, Dirk (2009) *Latin grammar*. The University of Michigan press.
- Rejzek, Jiří (2015) *Český etymologický slovník*. Praha: Leda.
- Ribarova, Zdenka; Ribarova, Slavomira (2015) *Češka gramatika s vježbama*. Zagreb: Porfirogenet.
- Roca, Iggy; Johnson, Wyn (1999) *A course in phonology*. Malden, MA; Oxford, UK; Victoria: Blackwell Publishing.

Smyth, Herbert Weir; revised by Messing, Gordon M. (1984) *Greek grammar*. Harvard University Press.

Suomi, Kari; Toivanen, Juhani; Ylitalo, Riikka (2008) *Finnish sound structure*. Oulu: Oulu University Press.

Режим доступа: <http://jultika.oulu.fi/files/isbn9789514289842.pdf> 2.9.2018.

Swanson, Donald C. (1958) *English Loanwords in Modern Greek*. WORD.

Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/00437956.1958.11659654> 2.9.2018.

Trask, Robert Lawrence (2000) *The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics*. Chicago, London: Fitzroy Dearborn.

Walter, Henriette (1977) *La phonologie du française*. Paris: Presses universitaires de France.

Sažetak

U ovom završnom radu istražuje se adaptacija bezvučnog glotalnog frikativa [h] u stranim riječima i posuđenicama u ruskom jeziku. Bezvučni glotalni frikativ [h], među jezicima svijeta čest je glas, ali u ruskom jeziku nije prisutan. Stoga pri posuđivanju stranih riječi koje imaju glas [h] u ruski jezik, [h] prolazi kroz određenu promjenu, tj. prilagođava se glasovnom sustavu ruskog jezika. Bezvučnom glotalnom frikativu [h] najbliži ruski glas je bezvučni velarni frikativ [x], pa bi bilo očekivano da će se [h] u ruskom jeziku prilagoditi tako što će prijeći u [x]. Tako i jest bilo onda kad bi se [h] u ruskom jeziku prilagođavalo na fonetskoj osnovi. Budući da su bile posuđivane usmenim prijenosom, u najstarijim posuđenicama u ruskom jeziku [h] je na fonetskoj osnovi prelazilo u [x]. Međutim, od drugog dijela 16. st. pa sve do sredine 20. st. u ruskom jeziku prevladavao je sustav prema kojemu se strano [h] nije prilagođavalo tako što bi prešlo u rusko [x], nego bi umjesto toga prelazilo u glas kojim bi se izgovaralo slovo ⟨r⟩. To je bio ili zvučni velarni okluziv [g] ili zvučni velarni frikativ [ɣ]. Takav sustav prvo se razvio kod govora jugozapadne Rusi (uglavnom na području današnje Ukrajine), gdje se na mjestu praslavenskog *g izgovarao zvučni glotalni frikativ [ɦ]. U tim govorima, glas [ɦ] bio je najbliži glas stranome [h], pa se onda pri posuđivanju [h] prilagođavalo prelaskom u [ɦ]. Kako se strano [h] uglavnom pisalo latiničnim ⟨h⟩, a glas [ɦ] u danim govorima ćiriličnim ⟨r⟩, kod tih govora razvila se konvencija prijepisa latiničnog ⟨h⟩ ćiriličnim ⟨r⟩. Jačanjem veza Moskovske Rusije sa Jugozapadom u 16. st. (posebno nakon pripojenja dijelova Jugozapada u Moskovsku Rusiju), sustav prijepisa latiničnog ⟨h⟩ ćiriličnim ⟨r⟩ prešao je i u ruski jezik, iako ruski izgovor ⟨r⟩ nije bio glas najbliži stranome ⟨h⟩. Navedeni sustav ustalio se u ruskom jeziku jer je u to doba većina stranih riječi sa zapada u ruski jezik bila primana posredstvom Jugozapada, pa ako je u nekoj riječi bilo latinično ⟨h⟩, ono je bilo prepisano ćiriličnim ⟨r⟩, i riječ je u takvom obliku bila primljena u ruski jezik. Prihvatanju takvog sustava prijepisa ⟨h⟩ u ruskom jeziku doprinjelo je i to što je u to doba u ruskom jeziku još uvijek bio dosta raširen izgovor ⟨r⟩ kao [ɣ], koji, iako nije bio najbliži ruski glas stranome [h], ipak mu je, kao frikativ, bio dosta sličan. Nakon nekog vremena glavnim izgovorom ⟨r⟩ u ruskom jeziku postalo je [g], ali i dalje se prema ustaljenoj konvenciji strano latinično ⟨h⟩ prepisivalo ruskim ćiriličnim ⟨r⟩, a time se i strani glas [h] prilagođavao kao ruski fonem /g/. Za vrijeme prevladavanja konvencionalnog prilagođavanja [h], u nekim rijetkim slučajevima, strano [h] se prilagođavalo i prema fonetskom principu kao rusko /x/. Sredinom 20. st. s obzirom na sve veću važnost fonetske bliskosti u prilagođavanju stranih riječi, strano /h/ se opet počelo prilagođavati kao najbliži mu ruski fonem

/x/, a latinično ⟨h⟩ koje označava /h/ počelo se prepisivati ćirilćnim ⟨х⟩. Takav sustav djeluje u današnjem ruskom jeziku, te se u mnogim, posebno novijim, stranim rijećima /h/ prilagođava kao /x/, ali prisutan je i velik broj rijeći, uglavnom ranije posuđenih, u kojima je /h/ prilagođeno kao /g/.

Ключевые слова: bezvućni glotalni frikativ [h], posuđenica, strana rijeć, ruski jezik, adaptacija [h] u ruskom jeziku

Kratki životopis

Fran Krile rođen je 2. lipnja 1993. g. u Dubrovniku u Republici Hrvatskoj. Osnovnu školu (2007.) i opću gimnaziju (2011.) završio je u Dubrovniku. Godine 2014. upisuje na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu dvopredmetni preddiplomski studij lingvistike i ruskog jezika i književnosti. Godine 2017. upisuje diplomski studij poredbene lingvistike.

